

Научная статья

УДК 821.161.1 + 070

DOI 10.17223/18137083/83/6

**Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»:
два дополнения к комментарию одного эпизода
(Хохлакова и Дмитрий Карамазов)**

Татьяна Ивановна Печерская

Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия

ptatiana9@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8829-823X>

Аннотация

Статья посвящена анализу эпизода главы «Золотые прииски» романа Достоевского «Братья Карамазовы». Предметом наблюдений являются маркеры проявления полемической адресации эпизода и специфика его повествовательной техники. В первой части вводится ряд внесюжетных сведений, расширяется контекст и интерпретация эпизода, делается вывод о том, что ведущим полемическим приемом является пародирование фигуры Салтыкова-Щедрина, «агентом» которого выступает госпожа Хохлакова. Во второй части проанализирована повествовательная техника эпизода в рамках микрофрагмента («благословение» Дмитрия на поездку в Сибирь). Эксплицированы детали, позволяющие увидеть аллюзии к роману «Преступление и наказание». Рассматривается техника совмещения и «расщепления» сюжетных ситуаций в разнонаправленных проекциях – комической и драматической, благодаря чему в неявном виде вводится сюжет преступления, универсальный в творчестве писателя. Как прием, запускающий механизм сюжетного удвоения, рассматривается сюжетное автопародирование.

Ключевые слова

«Братья Карамазовы», Достоевский, Салтыков-Щедрин, комментарий текста, сюжетная автопародия

Для цитирования

Печерская Т. И. Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: два дополнения к комментарию одного эпизода (Хохлакова и Дмитрий Карамазов) // Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 73–84. DOI 10.17223/18137083/83/6

© Печерская Т. И., 2023

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 73–84
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 2, pp. 73–84

**“The Brothers Karamazov” by F. M. Dostoevsky:
two addendums to one episode commentary
(Khokhlakova and Dmitry Karamazov)**

Tatyana I. Pecherskaya

Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation

ptatiana9@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8829-823X>

Abstract

This paper analyzes in detail the episode in the chapter “Gold Mines” of “The Brothers Karamazov” by F. M. Dostoevsky. The focus is on the markers of the polemically addressing the episode to Saltykov-Shchedrin and the specifics of his narrative technique. Firstly, the methods of researchers to the background of the polemic originating in the 1860s are reviewed, the necessity of expanding the context of the episode is motivated, and new extra narrative information is introduced completing the picture and deepening the episode's interpretation. Parody has been found to be the leading mode of polemic, with Mrs. Khokhlakova as its “agent,” the absurdity of her statements providing a channel for the transmission of the polemical reference “over and above” the text. A similar function is given to Turgenev, who is semantically close to Saltykov in his parody function in context of the heroine's reasoning. Secondly, the narrative technique of the episode is analyzed within the framework of a micro-fragment in which Khokhlakova “blesses” Dmitry Karamazov for his trip to Siberia. The details are explicated, allowing the allusions to the novel “Crime and Punishment” to be seen, suggesting other pairs of characters: Raskolnikov and the money-lender, Raskolnikov and Sonya. The technique of combining and “splitting” the plot situations in multidirectional projections is considered (comic and dramatic), which implicitly introduces a multidimensional plot of the crime, universal in the work of the writer. The plot auto-parody is considered as a technique triggering the plot-doubling mechanism.

Keywords

“The Brothers Karamazov”, Dostoevsky, Saltykov-Shchedrin, commentary, plot auto-parody

For citation

Pecherskaya T. I. “The Brothers Karamazov” by F. M. Dostoevsky: two addendums to one episode commentary (Khokhlakova and Dmitry Karamazov). *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 2, pp. 73–84. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/83/6

Предметом наблюдений являются два небольших фрагмента, относящиеся к одному эпизоду главы «Золотые прииски» романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»¹, в котором Иван Карамазов в поисках трех тысяч приходит к госпоже Хохлаковой. Цель комментария состоит в расширении контекстного поля эпизода за счет привлечения ряда внетекстовых сведений, позволяющих дополнить существующее истолкование полемической подоплеку эпизода, адресованной М. Е. Салтыкову-Щедрину, а также в исследовании повествовательной техники Достоевского с последующей экспликацией в рамках микрофрагмента текста. Задача анализа определяется стремлением понять, каким образом на уровне повествовательной структуры устойчивые законы художественной системы Достоевского связаны и взаимодействуют с ситуативными публицистическими

¹ Часть третья, книга восьмая.

инвективами, непосредственно затрагивающими динамичный «фон» полемики, актуальной для писателя, «в режиме реального времени».

I

Салтыков-Щедрин, Тургенев и госпожа Хохлакова

История изучения отношений Достоевского и Салтыкова-Щедрина основательно изучена литературоведами². Писатели не сходились ни по одному мировоззренческому и литературному вопросу, в публицистике и творчестве полемизировали друг с другом с 1860-х гг. до конца жизни. Роман «Братья Карамазовы» как значимое звено длящейся полемики также привлекал внимание исследователей и комментаторов. В дальнейшем мы будем двигаться в фарватере ценных наблюдений, пытаясь дополнить их некоторыми своими.

Обратимся к анализу эпизода и напомним его контекст и события, значимые в перспективе комментария. В день убийства отца Дмитрий ищет, у кого бы занять три тысячи, необходимые ему именно сейчас. Он планирует увезти Грушеньку и не мыслит начала новой жизни без того, чтобы освободиться от вины перед бывшей невестой, Катериной Ивановной (иначе «я карманный вор, подлец»). Выбор падает на госпожу Хохлакову, прочившую в женихи Катерины Ивановны брата Ивана, и, по мысли Дмитрия, её могла бы обрадовать мысль о его разрыве с невестой.

Фрагмент первый.

Не сразу поняв цель визита, Хохлакова, как всегда, болтлива, и «к слову», мимоходом высказывает Дмитрию свои взгляды по самым актуальным общественным вопросам, Дмитрию же советует отправляться на золотые прииски за обогащением. В квазипублицистическом задоре она упоминает Салтыкова-Щедрина, привлеченного для подтверждения ее прогрессивных мыслей о женском вопросе. Дмитрий, отчаявшись, решает прямо сказать, почему ему срочно нужны деньги, и начинает сбивчиво рассказывать о Катерине Ивановне и Грушеньке. Все эти подробности Хохлакову, по всей видимости, мало интересуют:

– Оставьте всё, Дмитрий Федорович! – самым решительным тоном перебила госпожа Хохлакова. – Оставьте, и особенно женщин. Ваша цель – прииски, а женщин туда незачем везти. Потом, когда вы возвратитесь в богатстве и славе, вы найдете себе подругу сердца в самом высшем обществе. Это будет девушка современная, с познаниями и без предрассудков. К тому времени как раз созреет теперь начавшийся женский вопрос, и явится новая женщина...

– Сударыня, это не то, не то... – сложил было, умоляя, руки Дмитрий Федорович.

– То самое, Дмитрий Федорович <...> Я вовсе не прочь от теперешнего женского вопроса, Дмитрий Федорович. Женское развитие и даже политическая роль женщины в самом ближайшем будущем – вот мой идеал. У меня у самой дочь, Дмитрий Федорович, и с этой стороны меня мало знают. Я написала по этому поводу писателю Щедрину. Этот писатель мне столько указал, столько указал в назначении женщины, что я отправила ему

² Укажем некоторые значимые для данного исследования работы: [Никольский, 1921; Борщевский, 1956; Рак, 2007; Туниманов, 2013; Строганова, 2017].

прошлого года анонимное письмо в две строки: «Обнимаю и целую вас, мой писатель, за современную женщину, продолжайте». И подписалась: «мать». Я хотела было подписаться «современная мать» и колебалась, но остановилась просто на матери: больше красоты нравственной, Дмитрий Федорович, да и слово «современная» напомнило бы им «Современник» – воспоминание для них горькое ввиду нынешней цензуры... (Достоевский, 1976, т. 14, с. 350).

В комментарии к роману В. Е. Ветловская отсылает к истории давней полемики Достоевского, развернувшейся в журнале «Время», затем в «Эпохе» с Салтыковым-Щедриным, сотрудничавшим в «Современнике» в 1860-е гг. Резюмируя предшествующие версии исследователей, она истолковывает «выпад» Достоевского против Щедрина как «поздний отголосок ожесточенной полемики журналов» [Ветловская, 1976, с. 574]. Комментируя отклик Салтыкова-Щедрина, последовавший вскоре за публикацией главы «Золотые прииски»³ в статьях «Первое ноября» и «Первое декабря»⁴ из цикла «Круглый год», П. С. Рейфман и Д. М. Климова выражают сходную позицию, добавляя, что «остается невыясненным», почему Достоевский решил предпринять такой ход [Рейфман, Климова, 1972, с. 775], действительно, довольно отдаленный во времени.

Указанные В. Е. Ветловской обстоятельства, относящиеся к 1860-м гг., бесспорно, приходят в голову в первую очередь. Тем более, что действие романа, как установлено по ряду внутритекстовых деталей, развивается в 1866 г. (При этом нельзя не заметить и некоторое временное противоречие: «Современник» закрыли в 1866 г., а Хохлакова говорит, что письмо «отправила ему прошлого года».) Быстрый ответ Салтыкова-Щедрина невольно актуализирует в реальном времени, хотя и спустя тринадцать лет, историю, связанную с «Современником». В частности, реагируя на упоминание своего имени в связи с письмом Хохлаковой, Салтыков-Щедрин заявляет, что письма от Хохлаковой не получал, а о назначении «современной женщины» писал менее всего. Что правда, поскольку в женском вопросе он был по большей части консервативен, и это явно не его тема ни в «Современнике», ни далее в «Отечественных записках»: «...об этом-то именно предмете менее и писал» (Салтыков-Щедрин, 1972, т. 13, с. 774–775). По всей видимости, он демонстрирует, как и последующие комментаторы, непонимание целей, с какими Достоевский затрагивает его. Тип Хохлаковой Салтыков-Щедрин называет неудачно заимствованным у Гоголя, утрированным «до степени полумия», к тому же отягощенным «какими-то полемическими целями» (Салтыков-Щедрин, 1972, т. 13, с. 776).

Справедливости ради заметим, что приписывание «женского вопроса» Салтыкову-Щедрину не так уж безосновательно, Салтыков-Щедрин в 1870-е гг. высказывался об этом «предмете». Например, в очерке «По части женского вопроса»⁵, где он имитировал обмен мнениями либералов, в ходе которого обнаруживаются их лицемерие и ханжество. Собственная позиция была так неявно выражена, что обвинения автора в консерватизме тут же раздались со всех сторон⁶. В другой

³ Русский вестник. 1879. № 10.

⁴ Отечественные записки. 1879. № 12 (отд. «Современное обозрение»).

⁵ Отечественные записки. 1873. № 1. Очерк вошел в цикл «Благонамеренные речи».

⁶ А. В. Белова отмечает: «На основе этого текста невозможно установить отношение самого Салтыкова к “женскому вопросу” ввиду особой стилистической манеры его письма, известной в современной интернет-культуре как троллинг» [Белова, 2016, с. 13].

статье, «Светлов, его взгляды, характер и деятельность», Салтыков-Щедрин сочувственно отзывался о романе И. В. Омулевского «Шаг за шагом», связывая начинающего автора с новым поколением писателей, «с полной добросовестностью относящихся к насущным вопросам современности» (Салтыков-Щедрин, 1970, т. 9, с. 417). Снисходительно относясь к недостаткам изображения героев романа, он, в частности, положительно оценивает попытку изобразить новую героиню: «Женщину, ищущую для себя самостоятельного места на жизненном пире, изобразить, конечно, труднее, нежели женщину, обманывающую своего мужа и за всем тем живущую на его содержании» (Салтыков-Щедрин, 1970, т. 9, с. 417). Это всё, конечно, не является основанием для благодарности Хохлаковой. Но вот для наших наблюдений интересна первая часть рецензии, где речь идет о Достоевском в контексте внимания современной литературы к разработке положительных типов. Назвав роман «Идиот» в качестве положительного примера, далее Салтыков-Щедрин «перечеркивает» похвалу, отмечая, что писатель «сам подрывает свое дело, выставляя в позорном виде людей, которых усилия всецело обращены в ту самую сторону, в которую, по-видимому, устремляется и заветнейшая мысль автора». Речь идет о насмешках над «так называемым нигилизмом», что отражает «слишком непосредственное и поверхностное понимание жизни и ее явлений» (Салтыков-Щедрин, 1970, т. 9, с. 413). Тема понимания или непонимания современной жизни писателем остается сквозной в полемике и еще раз всплывает в связи с упоминанием Салтыкова-Щедрина.

Форму письма, особенно в отношении подписи, как считается, Достоевский взял из письма, адресованного ему самому неизвестной восторженной дамой, которая горячо благодарила за февральский «Дневник писателя» 1876 г.⁷ Главным образом он был посвящен делу об истязании малолетней девочки отцом – громкому делу Кронеберга. Почитательница пишет: «Если бы можно было сейчас, сию минуту очутиться возле Вас, с какой радостью я обняла бы Вас, Федор Михайлович, за Ваш февральский “Дневник”. Я так славно поплакала над ним и, кончив, пришла в такое праздничное настроение духа, что спасибо Вам. Мать» (Достоевский, 1981, т. 22, с. 309). На наш взгляд, эта версия может быть косвенно подтверждена первыми вариантами черновой рукописи.

Очевидно, что для сохранения подписи Достоевский должен был ввести дополнительную мотивировку. В реальном письме речь шла о ребенке, и здесь подпись «мать» понятна. «Женский вопрос» с этой темой напрямую не связан, и Достоевский вставляет упоминание о Лизе («У меня у самой дочь»), дальше именно в этом контексте идет слово «современная», ведущее к «Современнику». Вот как выглядит «подводка» в черновой редакции:

Тогда вы найдете любимую особу, я знаю, что вы её найдете. Это будет девушка со всеми совершенствами, кротка и нежная... Я вовсе не прочь от теперешнего женского вопроса, Дмитр<ий> Фед<орович>, женское развитие и даже политическая роль женщины. Это мой идеал. Я написала Щедрину по этому поводу, этот писатель мне столько указал, столько ука-

⁷ Е. Н. Строганова высказывает и другое предположение. Она допускает, что Достоевскому до публикации «Первого октября» было известно содержание рукописи. В статье Салтыковым-Щедриным в пародийном стиле приводятся письма читателей, часть которых принадлежит и читательницам. «В таком случае не исключено, – замечает исследовательница, – что “письмом” Хохлаковой Достоевский пародирует Салтыкова, как будто провоцируя его на ответные реплики» [Строганова, 2017, с. 98].

зал в назначении женщины. Знаете, я ему отправил анонимно письмо в две строки: обнимаю и целую вас, мой писатель, за *современную* женщину.

– Я не прочь от женского вопроса, но с этой стороны меня мало знают. У меня дочь, Дмитр<ий> Ф<едорови>ч, и я имею всё право требовать развития жребия женщины.

– Я хотела было подписаться: «*Современная мать*» – и колебалась, но остановилась на «Матери» просто: внушительнее и поэтичнее. А «*Современная мать*» напомнит им, сверх того, «*Современник*» – воспоминание для них горькое, Дм<итрий> Ф<едорови>ч, при нынешней цензуре (курсив мой. – Т. П.) (Достоевский, 1976, т. 15, с. 281–281).

Вернемся к Хохлаковой. Почему же именно Салтыкову-Щедрину Достоевский навязывает тему «современности»? Если мы воспринимаем отсылку к «Современнику» как отсылку к его закрытию в 1866 г., то не вполне понятно, почему Хохлакова, гордящаяся тем, что она в курсе всех новостей, апеллирует в связи с «Современником» к Салтыкову-Щедрину, которого уже два года как не было в журнале. В 1864 г. он оставляет журнал и уходит опять на государственную службу в провинцию⁸. Куда же она писала? К тому же это был трехлетний период литературного молчания писателя.

Без учета внесюжетного контекста трудно уяснить или истолковать все противоречия, коими наполнена речь героини. Аргумент насчет дани прежней ожесточенной вражде кажется недостаточным и Е. Н. Строгановой. Она исследует проявления полемики, не прекращавшейся между писателями, на материале не только журнальных статей, но и произведений обоих писателей, написанных в интересующий нас период конца 1870-х гг. Полемические выпады рассмотрены ею на всём протяжении публикации романа. Другими словами, появление имени Салтыкова-Щедрин в интересующем нас фрагменте рассматривается в динамическом контексте. К его деталям мы еще вернемся, здесь приведем общий вывод исследовательницы, касающийся полемического языка писателей, сложившегося в 1860-х гг.: «Новый виток обострения отношений между писателями не просто возвращал к предшествующим разногласиям, но возрождал образный ряд, сложившийся в полемике 1863–1864 годов, текст которой помогает обнаружить смысл лейтмотивных образов в их диалоге 1879 года» [Строганова, 2017, с. 105]. Надо отметить, что устойчивый полемический язык сформировался у Достоевского и относительно Тургенева, неприязнь к которому, мировоззренческая и личная, также имеет долгую историю. В данной временной точке претензии к обоим сошлись. И здесь пора ввести имя Тургенева в контексте рассуждений Хохлаковой.

Доказывая надежность плана с приисками, Хохлакова говорит: «О, я теперь реалистка, Дмитрий Федорович. Я с сегодняшнего дня, после всей это истории в монастыре, которая меня так расстроила, совершенная реалистка и хочу броситься в практическую деятельность. Я излечена. Довольно! Как сказал Тургенев» (Достоевский, 1976, т. 14, с. 349). (Речь идет о слухе, что «старец провонял». До этого Хохлакова была исполнена веры в его святость и полна мистических идей.) Слово «довольно», как и в тургеневском тексте (его жанр определить трудно), будет звучать рефреном и дальше: «Довольно, Дмитрий Федорович, сказано и сделано, – отрезала госпожа Хохлакова с целомудренным торжеством благодете-

⁸ В 1864 г. Салтыков-Щедрин был назначен управляющим Пензенской казённой палатой, через два года служил в той же должности в Туле, а в 1867 г. был переведен в Рязань.

тельницы <...> Довольно, Дмитрий Федорович, довольно – настойчиво прервала госпожа Хохлакова» (Достоевский, 1976, т. 14, с. 349).

На первый взгляд использование слова «довольно» в качестве маркера тургеневского «Довольно. Отрывок из записок умершего художника», как и в случае привлечения Салтыкова-Щедрина в единомышленники, в речи Хохлаковой выглядит абсурдно. Текст, опубликованный впервые в собрании сочинений Тургенева в 1865 г., потребовался, как кажется, ради этого слова в названии. Смысл его в тургеневском контексте совершенно иной и к Хохлаковой не имеет отношения. Названное критиками элегией, прощанием с читателем, личной исповедью, исполненной пессимистической мистической философии, сочинение по смыслу не соответствует теперешним настроениям Хохлаковой. Слово совершенно не впадает используется для выражения противоположного – решимости, оптимизма, знаменует поворот «к реальности действительной жизни», разочарование в мистических настроениях, отказ от «ретроградных поползновений на чудеса» (Достоевский, 1976, т. 14, с. 347). Однако своего рода абсурдность Хохлаковой и в этом случае обеспечивает канал передачи полемической отсылки «поверх» текста. В этом смысле Тургенев оказывается пародийным «контрагентом» Салтыкова-Щедрина.

Использование названия – «Довольно» – главным образом отсылает не столько к тексту, сколько к пародии на Тургенева-Кармазинова в «Бесах»: на вечере «великий писатель» должен прочитать «свою последнюю вещь, еще никому неизвестную», в качестве прощания с публикой (Достоевский, 1974, т. 10, с. 236). Именно темы и приемы «Довольно» были главным объектом пародии в кармазиновском рассказе «Merci»⁹. Основа пародируемых идей, включая «потугинские идеи», окончательно рассорившие Достоевского и Тургенева после встречи в 1867 г. в Баден-Бадене и разговора о романе «Дым», в утрированном виде выстраивается на западнических убеждениях Тургенева о жалкой судьбе России вне Европы, о ненависти таких, как он, к России, и атеизме, роднящим либералов с поклонниками Чернышевского¹⁰. А. С. Долинин отмечает, что в изображении Достоевского скептицизм Тургенева-Кармазинова, демонстрирует «нищенскую скудость духа» и является следствием «старческого безверия» [Долинин, 1989, с. 184].

Те же претензии выдвигает Достоевский к Салтыкову-Щедрину. В упомянутой работе Е. Н. Строгановой «Роман М. Е. Салтыкова-Щедрина “Современная идиллия”. Диалог с современниками и предшественниками» проанализированы статьи Салтыкова-Щедрина 1879 г. – «Монрепо-усыпальница» («Убежище Монрепо») и очерк «Первое апреля – Первое мая» из цикла «Круглый год», где вновь после «затишья» произошел «переход на личности», получивший отклик Достоевского в главах, предшествующих рассматриваемой нами главе «Золотые прииски»¹¹.

⁹ См. подробнее о пародийном изображении Тургенева в «Бесах» и рассказе Кармазинова «Merci»: [Долинин, 1989, с. 163–187].

¹⁰ Достоевский пишет А. Н. Майкову: «Он сам говорил мне, что главная мысль, основная точка его книги состоит в фразе: “Если б провалилась Россия, то *не было бы* никакого ни убытка, ни волнения в человечестве”. Он объявил мне, что это его основное убеждение о России» (А. Н. Майкову от 16 (28) августа 1867 г.) (Достоевский, 1985, т. 28, кн. вторая, с. 210).

¹¹ Вторая часть романа с четвертой, пятой и шестой книгами была опубликована в «Русском вестнике» в 4–6 и 8 номерах 1879 г.

Ничего, кроме проявления либеральной «заскорузлой ненависти к России»¹², Достоевский по-прежнему не видит в идеях Салтыкова-Щедрина и его единомышленников. Во многом выразителями идей безверия и ненависти к России являются в романе отец Карамазов, Смердяков, Ракитин. В пародийном смысле переход на сторону «реалистов» демонстрирует и Хохлакова, разочаровавшаяся в Зосиме.

Каким образом полемика с Щедриным и прочими критиками проявляется в этом случае? По мере того, как книги «Братьев Карамазовых» публиковались из номера в номер в «Русском вестнике», появлялись и отзывы критиков. Таким образом, к концу романа Достоевский имел представление о предварительном впечатлении от своего романа. В качестве косвенного обоснования своего предположения насчет упоминания Салтыкова-Щедрина, коснусь одного документа. Достоевский в черновом варианте письма редактору «Русского вестника» (письмо было опубликовано в декабрьском номере) объяснял задержку окончания романа в частности, тем, что хотел вступить в полемику с некоторыми рецензентами по ходу написания романа в самом романе. Как установлено, Достоевский хотел «отвести упреки» Салтыкова-Щедрина и «Молвы», обвинявших автора в мистицизме и искаженном, «эпилептически судорожном» восприятии действительности, особенные нарекания вызывала «средневековая» фигура Зосимы с его религиозной проповедью [Кийко, 1976, с. 487–513]. Щедрин не был одинок в такой критике, по сути он солидаризировался с позитивистской демократической частью критики. Достоевский пишет, что отказался от намерения разъяснить «некоторым критикам» свои идеи, но раздумал в надежде, что «Русское слово» еще предоставит ему эту возможность на своих страницах (Достоевский, т. 30, кн. первая, с. 135). Можно предположить, что, отказавшись от прямой полемики, Достоевский не отказал себе в пародийном делегировании Хохлаковой ожидаемых от него изменений, заключавшихся в освобождении от мистицизма. Реализм же, о котором теперь твердит Хохлакова, тоже ведь был своего рода знаменем «Отечественных записок», пропуском в современную жизнь, как его называет Достоевский в «Дневнике писателя». Писатель Щедрин здесь – не только тенденция, но и персональный адрес, введенный не прямо, но через каскад бессмыслицы, как и Тургенев. (Заметим, что в упомянутых статьях из цикла «Круглый год», Щедрин выступает перед некоей реакционной Комиссией по искоренению литературы и в некоторых из статей полемизирует с неким Феденькой, выразителем крайне религиозных взглядов.)

Заключая раздел, отметим пародийность как ведущий прием ведения полемики с современниками. Как известно, Достоевский использовал его неоднократно по отношению к фигурам Салтыкова-Щедрина и Тургенева с 1860-х гг. В рассмотренном фрагменте через Хохлакову, почти абсурдного персонажа, утрированного, по справедливому замечанию Салтыкова-Щедрина, «до степени полумия», отсылки «поверх» текста, бессмысленные в речах персонажа, достигают цели, удваивая язвительность Достоевского-полемиста, поскольку оскорбительно обесмысливают адресата, что подтверждается раздраженной реакцией Салтыкова-Щедрина, казалось бы, на нелепые суждения Хохлаковой, к которым он неоднократно возвращался и позже.

¹² В письме А. Н. Майкову Достоевский пишет и о направлении журнала «Отечественные записки» в целом (письмо А. Н. Майкову от 18 февраля (1 марта) 1868 г. (Достоевский, 1985, т. 28, кн. вторая, с. 257).

II

Госпожа Хохлакова и Дмитрий Карамазов

В следующем фрагменте того же эпизода, крайне драматическом для героя, Дмитрий, по сути, является лицом второго плана. Центр эпизода – госпожа Хохлакова, комическая старуха по театральному амплуа. Госпожа Хохлакова не так проста, как кажется, ее функция далеко не ограничивается полемическими задачами писателя. С помощью ее действий образована двойная сюжетная конструкция, обнажающая повествовательную технику Достоевского. Пародийная природа персонажа использована здесь для введения своего рода сюжетной автопародии. В результате выстраивается «просвечивающая» повествовательная структура с далеко не комической функцией.

Прокомментируем следующий фрагмент.

Пообещав помочь («...эти три тысячи все равно что у вас в кармане, и не три тысячи, а три миллиона <...> в самое короткое время!» (Достоевский, 1976, т. 14, с. 349)), Хохлакова затевает разговор о золотых приисках в Сибири, куда Дмитрий должен незамедлительно поехать и там-то обогатиться. Он не сразу понимает, что Хохлакова не собирается давать ему деньги, и разговор о приисках поддерживает из вежливости, что дается ему с трудом¹³.

Вопрос: едете вы на прииски или нет, решились ли вы вполне, отвечайте *математически*. – Еду, сударыня, потом... Я поеду, куда хотите, сударыня, но теперь... – Подождите же! – крикнула госпожа Хохлакова, вскочила и бросилась к своему великолепному *бюро* с бесчисленными *ящичками* и начала *выдвигать один ящик за другим*, что-то отыскивая и ужасно торопясь. – «*Три тысячи!* – подумал, замирая, Митя, – и это сейчас, безо всяких бумаг, без акта...» – Вот! – вскрикнула в радости госпожа Хохлакова, возвращаясь к Мите, – вот что я искала! – Это был крошечный *серебряный образок на шнурке*, из тех, какие *носят иногда вместе с нательным крестом*. <...> – *Позвольте мне самой вам надеть на шею и тем благословить вас на новую жизнь и на новые подвиги*. – И она действительно накинула ему образок на шею и стала было вправлять его. <...> – Вот теперь вы можете ехать! – произнесла госпожа Хохлакова, торжественно сядя опять на место. <...> – Сударыня, – вскочил наконец Митя, складывая пред ней руки ладонями в бессильной мольбе, – вы меня заставьте заплакать, сударыня, если будете откладывать то, что так великодушно... – И поплачьте, Дмитрий Федорович, поплачьте! Это прекрасные чувства... *вам предстоит такой путь!* Слезы облегчат вас, потом возвратитесь и будете радоваться. Нарочно *прискачете ко мне из Сибири, чтобы со мной порадоваться...* (Достоевский, 1976, т. 14, с. 349–350).

Аллюзии в фарсовом ключе высвечивают неожиданно «провидческую» роль госпожи Хохлаковой относительно Сибири и тяжелого пути, который, однако, приведет к воскресению. Провидческими способностями относительно Дмитрия до этого обладал лишь Зосима. Выясняется, что это не так: «...что бы вы ни сказали, я все знаю наперед. Я давно взяла вашу судьбу в соображение, Дмитрий Федорович, я слежу за нею и изучаю ее» (Достоевский, 1976, т. 14, с. 347). Фраза двусмысленна еще и потому, что частотное у Достоевского слово *математически*

¹³ Ниже курсивом выделены фрагменты, которые будут прокомментированы далее.

всегда маркирует героев-рационалистов, уверенных в своей идее по расчету. Кроме провидения, здесь угадывается, будто проступает другая решающая встреча – Раскольникова и Сони – благословение на крестный путь. В то же время некоторые детали указывают и на другую пару – Раскольников и процентщица (эпизод пробы, в котором Раскольников с замиранием сердца слушает, как старуха отпирает комод и выдвигает ящики, а позже и сам проделывает это в надежде найти деньги). Комод стилистически заменен здесь на бюро, более подходящее даме. В этом эпизоде, кроме того, отсылка к убийству процентщицы дана почти буквально. Серебряный образок фигурирует в разговоре с Соней. Если в эпизоде убийства упоминается старухин финифтяный образок: его вместе с кипарисным и медным крестами на шнурке видит Раскольников на мертвой старухе, то в эпизоде передачи креста, когда Соня рассказывает о том, что отдала Лизавете свой образок и взяла ее медный крестик, Раскольников говорит: «Я знаю тоже подобных два креста, *серебряный* и образок. Я их сбросил тогда старушонке на грудь» (Достоевский, 1974, т. 6, с. 402).

Не менее интересны и три тысячи, вокруг которых завязывается убийство в «Братьях Карамазовых». Три тысячи – центральная денежная сумма и в «Преступлении и наказании», своего рода лейтмотив. Марфа Петровна, Свидригайлов, Разумихин, Дуня, Лужин прямо связаны с этой суммой. Три тысячи как дьявольское искушение, рационалистическая идея преуспевания, средство манипуляции волей другого, этический выкуп за совершенное преступление, мгновенное и чудесное освобождение от нужды – словом, средство, позволяющее начать новую жизнь. Эти смысловые вариации связывают всех без исключения героев. Подвести значение трех тысяч под один знаменатель вряд ли возможно. Общим условием является только их внезапное появление в жизни персонажа, способность нарушить ее порядок, иллюзия управления этим самым порядком вещей¹⁴.

Расщепление сюжетной ситуации в разнонаправленных проекциях – комическая ситуация неудачной попытки Дмитрия занять деньги у Хохлаковой насыщается драматическими элементами событий, связанных с Раскольниковым, и в неявном виде высвечивает смысл всеохватывающего и многомерного сюжета преступления, аллюзивно отсылающего читателя к предшествующим произведениям. Благодаря совмещению элементов из разных сюжетных ситуаций – комической и драматической – стилистически разные, но семантически синонимичные элементы сюжетной ситуации образуют общий топос вариантов в границах общего поля романов Достоевского. В данном случае сюжетное автопародирование становится тем приемом, который позволяет запустить этот механизм и совместить несовместимое.

Список литературы

Белова А. В. Салтыков-Щедрин и женский вопрос в России XIX века // Щедринский сборник: Сб. ст. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та дизайна и технологии, 2016. Вып. 5. С. 211–220.

Борщевский С. С. Щедрин и Достоевский: история их идейной борьбы. М.: Гослитиздат, 1956. 392 с.

Ветловская В. Е. Комментарий // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, Т. 15. 1976. С. 393–619.

¹⁴ См. подробнее: [Печерская, 2017].

Долинин А. С. Тургенев в «Бесах» // Долинин А. С. Достоевский и другие: статьи и исследования о русской классической литературе. Л.: Худож. лит., 1989. С. 163–187.

Кийко Е. И. Комментарий // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1976. Т. 15. С. 487–513.

Никольский Ю. Н. Тургенев и Достоевский (история одной вражды). София: Рос.-болг. книгоизд-во, 1921. 108 с.

Печерская Т. И. Заклад Достоевского: три тысячи в романе «Преступление и наказание» // Критика и семиотика. 2017. № 2. С. 97–108.

Рак В. Д. Достоевский и Салтыков-Щедрин в 1876 году // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2007. Т. 18. С. 102–114.

Рейфман П. С., Климова Д. М. Комментарий // Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. М.: Худож. лит., 1972. Т. 13. С. 774–776.

Строганова Е. Н. Роман М. Е. Салтыкова-Щедрина «Современная идиллия». Диалог с современниками и предшественниками. М.: Наука, 2017. 200 с.

Туниманов В. А. Достоевский и Салтыков-Щедрин (1856–1863) // Туниманов В. А. Лабиринт сцеплений: избранные статьи / В. А. Туниманов, С. Н. Гуськов (отв. ред.); сост. Н. Л. Сухачев; вступ. ст. Н. Л. Сухачева, М. В. Отрадина. СПб.: Пушкинский Дом, 2013. С. 92–113.

Список источников

Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. М.: Худож. лит., 1965–1977.

References

Belova A. V. Saltykov-Shchedrin i zhenskiy vopros v Rossii 19 veka [Saltykov-Shchedrin and the women's question in Russia of the 19th century]. In: *Shchedrinskiy sbornik: sbornik statey*. [Shchedrin collection: collection of articles]. Moscow, Izd. Mosk. gos. univ. dizayna i tekhnologii., 2016, iss. 5, pp. 211–220.

Borshchevskiy S. S. *Shchedrin i Dostoevskiy: Istoriya ikh ideynoy bor'by* [Shchedrin and Dostoevsky: the history of their ideological struggle]. Moscow, Goslitizdat, 1956, 392 p.

Dolinin A. S. Turgenev v "Besakh" [Turgenev in "The Devils"]. In: Dolinin A. S. *Dostoevskiy i drugie: stat'i i issledovaniya o russkoy klassicheskoy literature* [Dostoevsky and others: articles and research on Russian classical literature]. Leningrad, Khudozh. lit., 1989, pp. 163–187.

Kiyko E. I. Kommentariy [Commentary]. In: Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t.* [The complete works: in 30 vols.], Leningrad, Nauka, 1976, vol. 15, pp. 487–513.

Nikol'skiy Yu. N. *Turgenev i Dostoevskiy: (istoriya odnoy vrazhdy)* [Turgenev and Dostoevsky: (the story of one animosity)]. Sofiya, Ros.-bolg. Knigoizd, 1921, 108 p.

Pecherskaya T. I. Zaklad Dostoevskogo: tri tysyachi v romane "Prestuplenie i nakazanie" [Dostoyevsky's pawn: three thousand at the novel "Crime and Punishment"]. *Critique and Semiotics*. 2017, no. 2, pp. 97–108.

Rak V. D. Dostoevskiy i Saltykov-Shchedrin v 1876 godu [Dostoevsky and Saltykov-Shchedrin in 1876]. In: *Dostoevskiy. Materialy i Issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Research]. St. Petersburg, Nauka, 2007, vol. 18, pp. 102–114.

Reyfmán P. S., Klimova D. M. Kommentariy [Commentary]. In: Saltykov-Shchedrin M. E. *Sobranie sochineniy: v 20 t.* [Collected works: in 20 vols.]. Moscow, Khudozh. lit., 1972, vol. 13, pp. 774–776.

Stroganova E. N. *Roman M. E. Saltykova-Shchedrina "Sovremennaya idilliya". Dialog s sovremennikami i predshestvennikami* [The novel by M. E. Saltykov-Shchedrin "Modern idyll". Dialogue with contemporaries and predecessors]. Moscow, Nauka, 2017, 200 p.

Tunimanov V. A. Dostoevskiy i Saltykov-Shchedrin (1856–1863) [Dostoevsky and Saltykov-Shchedrin (1856–1863)]. Tunimanov V. A. *Labirint stsepleny: izbrannye stat'i* [Labyrinth of clutches: selected essays]. V. A. Tumanov, S. N. Gus'kov (Eds.), N. L. Sukhachev (Comp.), N. L. Sukhacheva, M. V. Otradina (Introd. art). St. Petersburg, Pushkinskiy dom, 2013, pp. 92–113.

Vetlovskaya V. E. Kommentariy [Commentary]. In: Dostoevskiy F. M. *Poln. sobr. soch.: V 30 t.* [Complete works: In 30 vols.]. Leningrad, Nauka, 1976, vol. 15, pp. 393–619.

List of sources

Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t.* [The complete works: in 30 vols.]. Leningrad, Nauka, 1972–1990.

Saltykov-Shchedrin M. E. *Sobranie sochineniy: v 20 t.* [Collected works: in 20 vols.]. Moscow, Khudozh. lit., 1965–1977, 1965–1977.

Информация об авторе

Татьяна Ивановна Печерская, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе Новосибирского государственного педагогического университета (Новосибирск, Россия)

Information about the author

Tatyana I. Pecherskaya, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor at the Department of Russian and Foreign Literature, Literary Theory and Methods of the Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию 07.12.2022;

одобрена после рецензирования 25.01.2023; принята к публикации 25.01.2023

The article was submitted on 07.12.2022;

approved after reviewing on 25.01.2023; accepted for publication on 25.01.2023